

СИНТЕЗ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

А.А. Луговой, доктор философских наук, профессор;
К.Н. Хабибуллин, доктор философских наук, профессор;
Е.В. Артамонова.
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Рассмотрены основные аспекты проблемы синтеза в культуре, в частности, роль, место, теоретические основания синтеза в русской культуре.

Ключевые слова: архетип, синтез, социометризм

SYNTHESIS IN THE CULTURAL SPACE

A.A. Lugovoy; K.N. Khabibullin; E.V. Artamonova.
Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

The basic aspects of the synthesis in culture, in particular, the role, place, the theoretical basis of synthesis in the Russian culture.

Key words: archetype, synthesis, sociometry

Идея культурного синтеза не является новой для русской философской мысли. Так, Ф.М. Достоевский считал, что «... русская идея может быть синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях» [1]. О «цельной синтетической жизни» и «цельном творчестве» писал

В.С. Соловьев [2]. К «великому синтезу» науки, искусства и религии стремился в своем творчестве Н.Ф. Федоров [3]. Тема синтеза была близка духовным исканиям евразийцев. Для них Россия – это Запад и Восток одновременно, «синтез двух с преобладанием последнего» [4]. В XX веке тема культурного синтеза разрабатывается целым рядом отечественных мыслителей: А. Белым, Г.Ф. Флоровским, Г.П. Федотовым, В.В. Зеньковским и др.

В этой связи можно констатировать, что в отечественном любомудрии сложилась традиция считать, что культурные синтезы придавали импульс развитию национальной культуры на всех этапах исторического развития России. Постоянная необходимость выработки локальных и глобальных синтезов связана с геополитическим положением страны, как моста между культурными потоками Запада и Востока. В этой связи культурно-исторический процесс можно представить в виде созидания, существования и разрушения синтетических образований: старого и нового, своего и чужого, духовного и цивилизационного. Кроме того, синтез выступает как субъективно проработанная форма осмысления культурного процесса.

Если рассмотреть XX век, то в нашей стране рождались и умирали три культурных синтеза: крестьянско-буржуазная Россия, советская Россия и новая современная Россия. Поэтому фундаментом формирующегося нового синтеза могут выступать три культурных массива: 1) культурное наследие дореволюционной российской жизни, включая русское зарубежье; 2) наследие культуры советского периода; 3) современное инокультурное влияние Запада и Востока [5].

Представляется, что эти массивы будут участвовать в создании сначала локальных, а затем и глобального национального синтеза, способного соединить в человеке русской культуры интеллект, чувства и волю.

На созидание нового культурного синтеза будут оказывать влияние и особенности культурного архетипа русского человека как базового для всех трех массивов.

Архетипы выступают глубинными установками, которые сформировались в ходе истории евразийского этноса и носят устойчивый неосознанный характер, задающий образцы жизнедеятельности, и сохраняющие свое значение и смысл в нормативно-ценностном пространстве современной культуры [6].

В отечественной философской мысли существует традиция, берущая начало от славянофилов, анализировать факторы, формирующие характер и душевные качества русского человека. С учетом этого, процесс формирования в обобщенном виде можно представить следующим образом.

На созидание русского культурного архетипа оказала влияние географическая среда. Одним из первых, кто глубоко и всесторонне исследовал влияние природно-географической среды на «духовный склад» людей и «народный темперамент» является В.О. Ключевский [7]. Его исследования показали, что природа приучила русского человека к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил: работать скоро, лихорадочно, споро. Ни один народ в Европе не способен был к такому напряжению в труде на короткое время, какое мог развить великоросс, но нигде в Европе не найти такой стойкой непривычки к равномерному и размеренному постоянному труду. Борьба с природой требовала от русских людей солидарных, коллективных усилий.

Исследования Л.В. Милова [8] показали, что цикл сельскохозяйственных работ русского крестьянина был необычайно коротким, всего 125–130 дней. В то время как на западе Европы сезон работ длился гораздо дольше. Перерыв в полевых работах в некоторых странах достигал всего два месяца в году.

У русского человека появляется достаточно сильная установка – «навалиться всем миром». Страх, порождаемый капризами и непредсказуемостью природы, опыт климатически суровой жизни выработали преклонение перед правом силы, но в то же время – уважение к природной стихии, восхищение красотой и гармонией природы. Вместе с тем, существовавшее уважение к земле–матери–кормилице, не сформировало в крестьянине самоотверженную и добросовестную практическую заботу о ней. Этому способствовало то, что русский крестьянин никогда не был суверенным хозяином своего надела. Поэтому в русском культурном архетипе не сложились представления о собственности (не различаются такие понятия, как: собственность, владение и право пользования).

Следующим, одним из важных архетипичных элементов русского человека, является социоцентризм. Социоцентрический характер русского общества определял отношение людей друг к другу. Основу этого отношения составляла антиличностная установка и замещение понятия свободы понятием воля, которые блокировали всякую индивидуальность и несанкционированную активность отдельно взятого человека. Присутствие антиличностной установки (все как один), породило запретительный тип агрессивного антииндивидуализма, основу которого составляли корпоративная зависть и принцип уравнительной справедливости. «Везде личность подавлена в органическом коллективе. Почвенные слои наши... не хотят самодеятельности и активности, всегда полагаются на то, что другие все за них сделают» [9].

Стремление «быть как все» постепенно трансформировалось в «быть не хуже других». Это породило: с одной стороны, острую неприязнь к выделившемуся (тому, кто выше) собрату и желание всеми силами сделать его как все. С другой стороны, – способность к состраданию (к тем, кто ниже) и стремление помочь им подняться до уровня «как все». Необходимо заметить, что стереотип русского человека – «быть как все», сильно отличается от западноевропейского, где «быть не хуже» породило установку для человека,

ориентирующего его на то, чтобы стать лучше, выше преуспевающего собрата, за счет мобилизации собственного индивидуального потенциала. Европейец в процессе социализации не только овладевает общепринятой системой норм и стереотипов поведения, но и осуществляет становление собственного «Я» как единичной, отдельной и особой сущности (быть личностью). Поэтому, если в русском культурном архетипе преобладает стремление «быть как все», то в западноевропейском – «быть личностью».

Бердяев Н.А. связывал недостаточное развитие личностного начала в русской жизни с отсутствием в русской истории рыцарства. «Рыцарство кует чувство личного достоинства и чести, создает закал личности» [9].

Большое влияние на формирование русского культурного архетипа, безусловно, оказало православие. В качестве смысла земного существования человека признавалось духовное стремление к смирению и благочестию, ощущению собственной греховности и аскетизму. По-видимому, именно здесь берет начало (в национальном архетипе) неосознанное пренебрежение к земным благам; отношение к труду не как к средству созидания и творчества (так как земные блага ничтожны и скоротечны), а как к способу самоуничтожения и самодисциплины. На основе противопоставления божественного (скрытого) и земного (доступного восприятию) в православии ценным становится не само по себе явление, а мистическое постижение его смысла. Из такого иллюзорного обладания истиной вытекает нетерпимость, закреплённая в архетипе, ко всякого рода инакомыслию. С православием на русскую почву была трансплантирована и идея соборности, которая противопоставляется индивидуальному мудрствованию с его рассудочно-вербальной, абстрактной спекуляцией. Отсюда, в русском культурном архетипе доминирует интуитивизм, а не рационализм. Эмоции у русского человека преобладают над разумом, страсти над интересами. Человек русской культуры чаще идет за «голосом сердца», чем за рассудком. У него преобладает художественно-образное мышление, а не понятийно-аналитическое, как у западноевропейца.

Русский человек чутко различает добро и зло, четко подмечает несовершенство земных поступков, нравов, институтов, никогда полностью не удовлетворяясь ими и не переставая искать совершенного, правды. Он бессознательно стремится к абсолютному добру, поэтому, в отличие от человека западной культуры, не возводит земные ценности в ранг священных принципов. Русский человек хочет действовать всегда и во имя чего-то абсолютного. Когда наступает сомнение в абсолютном идеале, то он способен быстро пройти путь от невероятной терпимости до самого необузданного и беспощадного бунта.

На эту двойственность характера русского человека указывал Н.А. Бердяев: «Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством. Бесконечная любовь к людям, поистине Христова любовь, сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью» [9].

В отличие от западноевропейского архетипа, в русском нет места игровому началу, русскому человеку важна сама жизнь, поэтому ему присуща стойкая неприязнь к лицемерию. Человек русской культуры не живет настоящим, свой интерес он направляет или в прошлое или в будущее. В прошлом ищет нравственное утешение и вдохновение для жизнедеятельности. Устремленность в будущее, постоянный поиск лучшей жизни, сочетается у него с необузданной верой в возможность достижения этого. Культ прошлого и будущего делает настоящее постоянным объектом критики и порождает неосознанные жизненные установки: постоянное учительство как проповедь нравственного обновления с готовыми на все случаями жизни социальными рецептами, и постоянными сомнениями, исканиями, постановкой риторических вопросов. «В России, в душе народной есть какое-то бесконечное искание, искание невидимого града Китежа, незримого дома. Перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными ее очами. Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни. Она вечно печалится о горе и

страдании народа и всего мира, и мука ее не знает утolenия. Душа эта поглощена решением конечных, проклятых вопросов о смысле жизни» [9].

Составляющие архетипа объективировались и в культуре советского периода. Способность концентрировать физические и духовные силы проявились у советских людей в периоды коллективизации, индустриализации, в военные и послевоенные годы. «Социалистическое планирование не могло переварить психологически укорененной ритмики земледельческого труда, таких поведенческих тенденций как импульсивность, «страдная психология», а крестьянская предрасположенность к предельному кратковременному напряжению сил проявила себя в авральнх ситуациях выполнения производственных планов» [10]. Советская власть использовала и другую составляющую архетипа русского человека – социоцентризм - для управления коллективами предприятий, колхозов и т.д. К этому следует добавить, что архетип, сформированный «народным православием», в советский период, благодаря работе мощного идеологического аппарата, у людей стал проявляться в квазирелигиозном отношении к партийным вождям, к коммунистической идее, к политическим мифологемам и др.

Таким образом, культурный архетип выступает бессознательным началом всех синтетических целостностей, исторически существовавших на культурном пространстве России.

Но, несмотря на существенную роль бессознательного в культурном процессе, было бы упрощением считать, что культурные синтезы формируются исключительно на стихийном, бессознательном основании. Роль сознательной деятельности так же велика и придает динамику процессу создания новых органических целостностей. Лидирующее положение в этом принадлежит культурным элитам. В современных условиях, когда Россия включена во всемирные глобальные процессы, ситуация для культурных элит осложняется, в силу противоречивости понимания результатов этих процессов. Им не придется выбирать между прагматикой глобализма и ментальными структурами русской души. Они будут вынуждены создавать культурные целостности, совмещающие в себе эти два основания. В противном случае культурному процессу может угрожать опасность архаизации или не менее губительные нигилистические тенденции. Как это будет происходить на практике трудно предположить. Пока на отечественном культурном ландшафте изживаются образцы простого эпигонства и подражательства, характерного для начального этапа инокультурного взаимодействия. Наряду с этим существует и опыт международных компаний, когда синтез осуществляется на личностном уровне. Традиционные культурные формы сохраняются на уровне личного потребления и определяют культурную идентичность личности. В то время, как заимствованные нормы и стандарты воспринимаются как прагматические, ориентирующие человека на поведение в рамках определенного типа отношений, ситуаций (профессиональная деятельность, сфера досуга). При этом, прагматические стандарты не требуют отказа от фундаментальных основ личности и не входят в противоречия с национальными культурными традициями. Более того, задача выбора оснований, на которых будет осуществляться масштабный синтез, остается актуальной для России. Большинство исследователей видят созидание такого синтеза не на основе цивилизационных успехов России, а исключительно на возрождении традиционной для народа духовно-нравственной основы. Так, С.С. Хоружий полагает, что на современном этапе «Православие выступает как здание и призвание России, как цель культурно-исторического творчества» [11]. В этом русле находятся исследования В.А. Щученко. Будущее русского синтеза он связывает с «утверждением религиозно-нравственного идеала, трудового и творческого отношения к жизни» [5].

Таким образом, возрождение устойчивого традиционного духовного ядра, включающего в себя русский культурный архетип, выступит органичным основанием гармонизации социальной и экономической жизни России.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Пол. собр. соч. Т. 18. С. 37.
2. Соловьев В.С. Т. 2. М., 1988. С. 174–176.
3. Федоров Н.В. Супраморализм, или Всеобщий синтез. М., 1982.
4. Флоровский Г.В. Евразийский соблазн. // Новый мир. 1991. № 1. С. 206.
5. Щученко В.А. Вечное настоящее культуры. Теоретические проблемы историко-культурного процесса. СПб.: СПбГТУ, 2001.
6. Морозов И.В. Основы культурологии. Архетипы культуры. Минск, 2001.
7. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1. соч. в 9 т. Т. 1. М., 1987.
8. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 40.
9. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М., 1997. С. 228–238.
10. Гордон А.В. Хозяйствование на земле – основа крестьянского самосознания // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы Междунар. конф. М., 1996. С. 375.
11. Хоружий С.С. О старом и новом. СПб., 2000. С. 139.